

VII. ДИСКУССИИ И РЕЦЕНЗИИ

Бойко В.П. К ВОПРОСУ О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ И ДОНОСИТЕЛЬСТВЕ В ДЕКАБРИСТСКОЙ СРЕДЕ. РЕЦ.: МАМСИК Т.С. НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ИЗВЕСТНЫХ ТЕКСТОВ: ДЕКАБРИСТ И.И. ПУЩИН И ДРУГИЕ // ЧЕЛОВЕК – ТЕКСТ – ЭПОХА: Сб. науч. ст. и материалов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. Вып. 4. С. 38–63.

Список людей, которые считались доносчиками в деле декабристов, давно известен – это чиновник Бошняк, капитан Майборода, унтер-офицер англичанин Шервуд и подпоручик Ростовцев. В рецензируемой статье известный сибирский историк Т.С. Мамсик, в последнее время посвятившая себя изучению истории общественных и политических движений в России первой половины XIX в., добавила в этот малопочтенный список И.И. Пуштина, декабриста, общественного деятеля, мемуариста. Попытаемся разобраться в основных посылах автора статьи и доказательствах, которые она использует для чернения этого известного деятеля, ближайшего друга А.С. Пушкина, представителя одной из известных и влиятельных фамилий в русском дворянстве той эпохи.

Итак, кто же они были, эти люди, сообщавшие властям о заговоре декабристов? Какова их судьба и место в общественном сознании? Остановимся на этом поподробнее, чтобы выяснить, насколько типичны их черты и соответствуют ли эти сведения выдвинутой Т.С. Мамсик гипотезе о предательстве Пуштина. А.К. Бошняк (1786–1831), после учебы в пансионе Московского университета, служил в Министерстве иностранных дел, в Главном управлении мануфактур, а с 1820 г. был чиновником при начальнике Южных военных поселений графе И.О. Витте, по заданию которого вошел в доверие к декабристам и два раза сообщал ему о планах тайного общества. В 1826 г. был вызван в Следственный комитет, дал показания и отпущен. В том же году был командирован в Псков для тайного сбора сведений об А.С. Пушкине. Затем снова назначен был состоять при Витте, и получал особое, очень высокое по тем временам жалованье в 5 тыс. руб. Вместе с корпусом Витте участвовал в подавлении польского восстания 1830–1831 гг., и при отступлении русских войск умер от горячки в г. Баре. Другой доносчик, А.И. Майборода, служил капитаном в Вятском полку, которым командовал П.И. Пестель, и был принят им в тайное общество. В ноябре 1825 г.

сделал на декабристов донос и в качестве награды был переведен в лейб-гвардии Гренадерский полк, но вскоре в чине подполковника перевелся в армию. Несколько лет по болезни был в отставке полковником, получая особую, т.е. повышенную, пенсию, а затем снова на службе, командир Апшеронского полка. Покончил жизнь самоубийством. И.В. Шервуд родился в г. Кенте близ Лондона. Англичанин, сын механика, выписанного в 1800 г. в Россию для службы на Александровской мануфактуре. Служил унтер-офицером в Украинском уланском полку, где вошел в круг офицеров, от которых узнал о существовании тайного общества. Летом 1825 г. написал в Петербург донос и был вызван туда к А.А. Аракчееву. Встречался там с Александром I, от которого получил задание продолжать свою деятельность. Через Ф.Ф. Вадковского вступил в Южное общество, узнал его программу, состав и цели, сообщив обо всем снова Аракчееву. В начале 1826 г. был переведен в лейб-гвардии Драгунский полк прапорщиком, высочайше повелено ему именоваться впредь «Шервудом-Верным» с пожалованием именного герба и денег. Однако среди сослуживцев Шервуд не пользовался расположением, получив прозвища «Шервуда-Скверного» и «Фидельки» (распространенная собачья кличка). С 1827 г. выполнял чисто жандармские поручения А.Х. Бенкендорфа, а потом за ложный донос был заключен в Шлиссельбургскую крепость. Наконец, самый удачливый из доносчиков – Яков Иванович Ростовцев (1803–1860), юный подпоручик лейб-гвардии Егерского полка. Писал стихи, переводил драмы, печатался в журналах. 12 декабря 1825 г. в письме к Николаю I донес о готовившемся восстании. После подавления восстания стал адъютантом великого князя Михаила Павловича, видным чиновником в управлении военно-учебными заведениями и в 1833 г. получил чин полковника, затем генерала, что было только в период Отечественной войны и заграничных походов, когда внеочередные звания давались за военные подвиги [1. С. 29, 110, 159, 198]. На склоне лет был председателем Сек-

ретного комитета по крестьянскому вопросу, то есть осуществил мечту своей молодости – освободил, наконец, крестьян от крепостной зависимости, правда в самом урезанном виде.

Что бросается в глаза при первом приближении к биографиям доносчиков. Все они получили за свои дела определенные карьерные и денежные бонусы, существенные отличия и знаки признательности от правительства и от членов императорской семьи. Все они, за исключением Ростовцева, были по своему происхождению маргиналами, не принадлежали к отечественной аристократии, родовитому дворянству, не занимали сколько-нибудь важных постов ни по службе, ни в тайном обществе, не имели значительных чинов и заслуг. Все они были осуждены обществом за свои действия и испытывали сильные, порой смертельные угрызения совести. Насколько это применимо к И.И. Пущину рассмотрим подробнее.

Как известно, мальчика Ваню Пущина привез в Царскосельский лицей его дедушка, адмирал и Андреевский кавалер, то есть награжденный высшим орденом Российской империи – орденом Андрея Первозванного, который лично представил недоросля министру просвещения графу А.К. Разумовскому. Его отец – Иван Петрович Пущин (1754–1842), генерал-лейтенант, генерал-интендант флота, сенатор. Мать – Александра Михайловна Рябинина была из простой дворянской семьи. За отцом в Осташковском уезде Тверской губ. 20 душ крепостных крестьян, в Бобруйском уезде Минской губ. 357 душ и дом в Петербурге. Таким образом, И.И. Пущин был представителем служилого дворянства, которое принадлежало к элите общества, не располагая, впрочем, особым богатством.

Воспитывался И.И. Пущин в Царскосельском лицее (одноклассник и близкий друг А.С. Пушкина) с 19 октября 1811 г. по 9 июня 1817 г. Обучаясь в этом элитном учебном заведении, участвуя в многочисленных проделках лицеистов, он приобрел те черты характера, которые ценили свое братство превыше всего, тот культ дружбы, который был затем прославлен в стихах А.С. Пушкина, мемуарах и письмах лицеистов и их учителей. Никакого намека на доносителство в их среде в отношении Пущина и других известных лицеистов там нет и в помине.

В службу И.И. Пущин вступил прапорщиком в лейб-гвардии Конную артиллерию и начал делать там блестящую карьеру, но по идейным соображениям поступил сначала сверхштатным сотрудником Петербургской уголовной палаты, а 13 декабря 1823 года назначен судьей Московского

надворного суда. В известном стихотворении «Годовщина 19 октября» в 1825 г. Пушкин писал о Пущине: «... Поэта дом опальный, / О. Пущин мой, ты первый посетил; / Ты усладил изгнанья день печальный, / Ты в день его Лицея превратил. / Ты, осятив тобою избранный сан, / Ему в очах общественного мненья / Завоевал почтение граждан». После этих слов как-то неловко доказывать невиновность Пущина в доносителстве, но придется, так как напечатанная в сборнике статья уже имеет определенный резонанс и вызовет критику как со стороны научной среды, так и со стороны потомков Пущина и Пушкина.

И.И. Пущин состоял членом преддекабристской организации «Священная артель», Союза спасения (с лета 1817 г.), Союза благоденствия и Северного общества (член Коренной думы, председатель Московской управы), был участником восстания на Сенатской площади. То есть он был закоренелым «государственным преступником», одним из видных и авторитетных руководителей тайного общества, в отличие от случайных людей, оказавшихся в этом движении и пошедших на предательство. Это понимали и чиновники, вершившие суд над декабристами, причисливших Пущина к важнейшим деятелям, осужденным по I разряду к смертной казни через отсечение головы, и по конфирмации приговоренных в каторжную работу вечно, которую потом сократили до 15 лет. Никаких послаблений в отношении Пущина здесь не было допущено, что пытается доказать Т.С. Мамсик.

По отбытии срока он был обращен на поселение в Западной Сибири. С 1839 г. в Туринске, где, кроме чтения книг, ничем не занимался, затем в 1843 г. переехал в Ялуторовск, где занимался хозяйством. Материально был обеспечен, жил вместе с Е.П. Оболенским, но когда тот женился, то стал жить один и, по характеристике местного начальства, был «поведения хорошего». После амнистии 1856 г. вернулся в Европейскую Россию и получил разрешение посетить в Петербурге свою сестру Екатерину Набокову, вдову генерала, которую посещал еще раньше, 30 лет тому назад, в январе 1825 г., в Пскове, заодно посетив и своего опального лицейского друга А.С. Пушкина в с. Михайловском. Позднее в Пскове был найден автограф стихотворения Пушкина «Мой первый друг, мой друг бесценный! ...», список с которого Набоковы отослали в Сибирь его адресату. Т.С. Мамсик подозревает плохое во всем, в том числе и в посещении Пущиным Пушкина, находившегося в изгнании, но повод для такой поездки был найден вполне убедительный: посетить свою

сестру Екатерину, которая была замужем за генералом И.А. Набоковым, героем Отечественной войны, командовавшим в тех краях дивизией. Кстати, это был родной брат прадеда великого русского писателя В.В. Набокова. По изысканиям историков и генеалогов, дворянские роды пушкинской эпохи были в кровном родстве, и марасть фамильную честь, выдавая безродным жандармам своих братьев, было низостью, на которую они никогда бы не пошли в силу сословной солидарности [2. С. 9].

Последние годы своей жизни И.И. Пущин жил в имении Марьино Бронницкого уезда Московской губ., которое принадлежало его жене Наталье Дмитриевне Апухтиной, бывшей замужем в первом браке за декабристом М.А. Фонвизиним. Брак был заключен 22 мая 1857 года, а через два года И.И. Пущин умер и похоронен в Бронницах у городского собора. Последние годы он был занят писательским трудом – написал замечательные мемуары о А.С. Пушкине. Через всю жизнь он пронес отрядные воспоминания о Лицее, о моменте, когда А.Г. Муравьева в Чите передала через частокла острога стихи Пушкина, где было написано ныне всем известное: «Мой первый друг, мой друг бесценный, / И я судьбу благословил, / Когда мой двор уединенный, / Печальным снегом занесенный, / Твой колокольчик огласил ...». Вспоминает Пущин и привет от Пушкина в послании 1827 г. «Бог в помощь вам, друзья мои, / И в счастье, и в житейском горе, / В стране чужой, в пустынном море / И в темных пропастьях земли». Особенно пронзительно описывает Пущин свои переживания при известии о смерти поэта, свои размышления по поводу того, «что было бы с Пушкиным, если бы я привлек его в наш союз, и если бы пришлось ему испытать жизнь, совершенно иную от той, которая пала на его долю» [3. Т. 2. С. 219].

В остальных же предположениях о предательстве и доносах Пущина как-то неловко говорить. Это плод какой-то болезненной мнительности, поразительные активность и энергия, достойные лучшего применения. За двести лет не найдено ни одного свидетельства в пользу этой версии, а говорить о том, что декабристов держали в Чите, а потом в Петровском заводе, чтобы Пущину было удобно их держать под своим контролем, что поселили его в Ялуторовске, стоявшем «на тракте и миновать его не мог ни один путешественник, едущий в Сибирь и обратно» (С. 41) – это не аргумент, а ничем не обоснованное подозрение. Подвергается сомнению и моральный облик декабриста из-за того, что он адресатов и слушателей своих развлекал анекдотами и другими рассказами о жизни и творчестве В.К. Кюхельбекера. Дружеские шутки и эпиграммы лицейцев,

в том числе и Пушкина, известны еще и благодаря повести Ю. Тынянова «Кюхля», в одном названии которой уже содержится некоторая доля доброго подтрунивания над неловким поэтом. А вот делать вывод, что он, Кюхельбекер, «владел информацией, опасной для репутации Пушкина», и тот, в свою очередь, выставлял его безумцем, предположение, на наш взгляд, за гранью добра и зла. Нельзя видеть за каждым человеком пушкинской эпохи агента тайных служб. И уж совсем неприлично выставлять все семейство Пушиных провокаторами: Павел – на юге, Иван и Михаил – в Петербурге. «Совершенно очевидно, – пишет Т.С. Мамсик, – что Михаил получил офицерское звание не в армейской службе, а по линии тайной разведки». (С. 59). Никаких доказательств, кроме назначения его на пост коменданта Бобруйской крепости, не прилагается. Но далее в этот список вносится брат Николай, юрист, служивший по ведомству МВД, младший брат Петр, служивший в Почтовом департаменте, сестры Анна и Екатерина (С. 60). Ну, это уже что-то вроде фантастических обвинений во времена Большого террора, когда, например, обвиняли в шпионаже в пользу Японии людей, не знавших где она, эта Япония, находится. Объяснялось это тогда политической паранойей руководителей государства, стремлением уничтожить у общества способность реагировать на любые преступления властей. Что же сегодня заставляет так думать и писать? Вероятно, желанием считать «души высокие порывы» декабристов не подвигом, не самопожертвованием, а стремлением получить от режима свои выгоды, как это свойственно нашему времени.

В заключение вспомним классическую работу по истории декабризма Ю.М. Лотмана, где он пишет, что «весь облик декабриста был неотделим от чувства собственного достоинства. Оно базировалось на исключительно развитом чувстве чести и на вере каждого из участников движения, что он – великий человек... Это заставляло каждый поступок рассматривать как имеющий значение, достойный памяти потомков, внимания историков, имеющий высший смысл» [4. С. 69]. Два подхода: один с верой в благородство декабристов, другой – поиски в их деятельности подлых мотивов, вероятно, пришло время делать свой выбор в пользу одного из них. На основе всестороннего и глубокого анализа переписки И.И. Пущина томский филолог И.А. Поплавская однозначно делает свой выбор в пользу первого тезиса, считая, что основные этапы биографии этого декабриста могут быть соотнесены с известным сюжетом о блудном сыне, который, побывав в стране мертвых (30 лет в Сибири), затем чудесным образом воскресает [5. С. 31–36]. Возникает желание

на этот счет поспорить, но оставим это на будущее, главное, что этот спор будет вестись академично, с помощью аргументов и фактов, а не домыслов и грубых предположений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Декабристы*. Биографический справочник / Под ред. М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988.
2. *Старк В.П.* В.В. Набоков – родословные отражения //

Набоковский вестник. Вып. 2: Набоков в родственном окружении. СПб.: Дорн, 1998.

3. *Пуцин И.И.* Записки о Пушкине // Декабристы. Избранные сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1987. Т. 2.

4. *Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л.: Наука, 1975.

5. *Поплавская И.А.* Сюжетная поэтика сибирских писем И.И. Пушина // Сибирский текст в русской культуре: Сб. статей. Томск: Сибирика, 2003.